

ТРОИЦКОЕ СИДѢНІЕ.

(23 Сентября 1608—12 Января 1610 г.).

„Валя толною цѣгою,
Пришла за ратью рать
Съ Лисовскимъ и Сапѣгою
Престоль нашъ воевать.

.....
А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ“...

(Графъ А. Толстой).

Во время великой „розухи“ Московскаго государства, когда уже 22 города волею-неволею перешли на сторону Тушинскаго Вора, одна Троице-Сергіевская лавра оставалась вѣрна Московскому царю, В. И. Шуйскому, подавая высокій примѣръ другимъ городамъ. Основанная около 1335 г. преп. Сергіемъ Радонежскимъ и окруженная съ 1540 г. крѣпкими стѣнами съ башнями и бойницами, Троице-Сергіевская лавра была важна для Тушинцевъ не только своими богатствами, но и стратегическимъ значеніемъ, какъ ключъ къ богатымъ сѣвернымъ и восточнымъ городамъ, еще не тронутымъ смутю. „Доколѣ свирѣпствовать противъ насъ симъ *кровожаднымъ вранамъ*, гнѣдящимся въ ихъ *каменныхъ гробахъ*“, кричали Тушинцы и требовали взятія лавры.

23 Сентября 1608 г. самые дерзкіе и завзятые изъ Тушинцевъ, Литовскій наѣздникъ *Лисовскій*, спасавшій жизнь свою отъ казни на родинѣ, и Польскій панъ *Янъ-Петръ-Сапѣга*, мстившій за гибель своихъ соотечественниковъ въ Москвѣ при первомъ самозванцѣ, разбивъ Ивана Шуйскаго (брата царя) подъ Рахмановымъ, имѣя *до 30 тысячъ* войска, подошли къ Троицкому монастырю съ тѣмъ, чтобы взять его, во что бы ни стало. Архимандритомъ лавры былъ тогда *Іоасифъ*, а зна-

менитый келарь *Авраамій Палициъ* (въ міру *Аверкій Ивановичъ*), историкъ Троицкой осады, находился въ Москвѣ. Въ Монастырской „заставѣ“ (гарнизонѣ), во главѣ которой стояли окольнічій князь *Григ. Бор. Роуца-Доморукій* и дворянинъ *Алексій Голохвастовъ*, вмѣстѣ съ иноками способными носить оружіе, было всего до 1500 человекъ. Литовскій сжегъ посады Клементьевскій. Осажденные сдѣлали вылазку и сожгли монастырскія слободы, жители которыхъ укрылись за стѣнами монастыря: „св. Сергій не отвергнетъ злосчастныхъ!“ Передъ гробомъ св. Сергія воеводы поцѣловали крестъ, т. е. принесли присягу „сидѣть въ осадѣ безъ измѣны“.

29 Сентября въ лавру прибылъ нѣкій *Безсонъ Руготинъ* съ „граммотами“ (письмами) *Сапѣги* и *Лисовскаго* къ воеводамъ со всѣми ратными людьми и къ архимандриту съ братіей; они лестью и угрозами склонялись къ сдачѣ монастыря.

Эти грамоты, между прочимъ, лучше всего свидѣтельствуютъ о заслугахъ Троицкихъ монаховъ. „Вы беззаконники... *учите въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Дмитрія Ивановича и его позорить и псовать* неподобно... И мы тебѣ, святче архимандрите *Іоасафе*, свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ: Запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобы они не учили воинство не покоряться царю *Димитрію*... а намъ городъ отворили *безъ крови*; а не покоритесь, такъ мы *заразъ* возьмемъ замокъ вашъ и васъ беззаконниковъ *порубаемъ* всѣхъ!“ Архимандритъ *Іоасафъ* съ братією на это отвѣчали: „Темное державство, гордые военачальники, *Сапѣга* и *Лисовскій*, и прочая дружина ваша! Мы получили посланіе ваше и оплевали его.... Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего *православнаго* государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ *Латышъ иновѣрной*, уподобиться *Жидамъ* или быть еще хуже ихъ?.. Богатства всего міра не возьмемъ за свое крестное цѣлованіе... Упованіе наше есть *Святая Троица*, стѣна и щитъ *Богоматерь*, святые *Сергій* и *Никонъ* сподвижники: не страшимся!“

На слѣдующій день непріятельскіе „туры“ (подвижныя деревянные батареи) появились на окружающихъ монастырскихъ высотахъ, на горѣ *Волкушѣ* (съ Юга), *Терентьевской* (на Юго-востокѣ), *Крутой* (на Юго-западѣ) и *Красной*. Непрiатели выкопали ровъ отъ Келарева пруда до *Глининскаго* оврага (съ Запада). Съ *Покрова* (1 Октября) монастырскій „осадный колоколъ“, можно сказать, не умолкалъ въ теченіи 6 недѣль: непріатели палили изъ своихъ 63 пушекъ, причинявшихъ, впрочемъ,

мало вреда осажденнымъ за ихъ крѣпкими стѣнами, которыя иноки ежедневно обходили со святыми иконами.

Въ ночь на 13 Октября, на другой день послѣ необузданнаго пьянаго пира, начался *первый приступъ*: враги устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и „тарасами;“ ихъ встрѣтили изъ монастырскихъ „пищалей“ и пушекъ (которыхъ было 90, изъ нихъ 20 подъ навѣсомъ), и штурмъ не удался. Черезъ нѣсколько дней Троицкіе стрѣльцы и казаки по веревкамъ спустились со стѣны къ монастырскимъ огородамъ и перерѣзали много „Сапѣжинцевъ“. Въ то же время турамъ Красной горы сдѣлана вылазка, въ которой особенно отличился служилый человекъ *Вреховъ*, передъ смертью постригшійся въ монахи.

25 Октября непріятелю удалось зажечь монастырскій „острогъ“, одну изъ 12 башенъ, находившихся внѣ стѣнъ. Во время послѣдовавшей вылазки на Княжеское поле къ Мишутинскому оврагу, взятый въ плѣнъ ротмистръ Брушевскій подъ пыткой сообщилъ о *подкопѣ* подъ монастырь, что вызвало большую тревогу среди осажденныхъ. Къ счастью, нашелся человекъ, знакомый съ инженернымъ дѣломъ, монастырскій слуга *Корсаковъ*, подъ руководствомъ котораго въ разныхъ мѣстахъ стали дѣлать такъ называемые „слухи“ (контръ-мины) съ цѣлью открыть мѣсто подкопа. Эти работы производились нерѣдко подъ огнемъ непріятеля, при чемъ произошли двѣ кровопролитныя схватки.

1 Ноября за монастырскимъ рвомъ „Сапѣжинцы“ убили 190 человекъ Троицкихъ защитниковъ. Нѣсколько ядеръ упало въ лавру; одно ядро ударило въ большой колоколъ, другое раздробило святыя иконы, третье убило инокиню.

8 Ноября ядро оторвало ногу у старца *Корнилія*: „Богъ архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ кровь христіанскую“, сказалъ умиравшій старецъ. *Земляныя работы* продолжались: между прочимъ подъ стѣною былъ вырытъ ходъ для вылазокъ съ тремя желѣзными воротами. Въ это время три случая обрадовали осажденныхъ: удалось разбить главную Литовскую пушку, такъ называемую „Трещеру“, 500 Донскихъ казаковъ съ атаманомъ *Епифанцемъ* бѣжали отъ Сапѣги на родину, а главное—тяжело раненый плѣнный казакъ *Дядиловскій* передъ смертью указалъ мѣсто подкопа.

11 Ноября „Красный звонъ“ огласилъ Троицкую обитель: наконецъ былъ *взорванъ подкопъ*, такъ смущавшій осажденныхъ, причемъ, погибли два Клементьевскихъ мужика богатыри *Никонъ Шиловъ* и *Сло-*

та, а за тѣмъ была произведена смѣлая вылазка. Старець *Нифонтъ* съ 200 ратныхъ и 30 монахами, къ которымъ, не смотря на запрещеніе воеводъ, присоединились и другіе охотники, взяли *Красную* со всѣми непріятельскими турами, немало знаменъ, 8 полукторныхъ пищалей. Враговъ пало, какъ говорятъ, около 1500 человекъ, въ томъ числѣ 2 полковника, 4 ротмистра и нѣсколько товарищей (паны Угорскій и Мазовецкій). Наши потери 174 убитыми, 166 ранеными. Въ этомъ дѣлѣ Русскіе люди совершили много подвиговъ. Особенно отличились дворяне: храбрый „голова“ *Ив. Вилковъ*, *Есиповъ* (убить), *Ходыревъ*, *Зубовъ*. Сильный тѣломъ и гораздый саблей, сотникъ *Данило Селевинъ*, желая „смертью загладить безчестье своего рода“ (не задолго передъ тѣмъ братъ его, Оська Селевинъ, перебѣжалъ къ Сапѣгѣ), одинъ напалъ на дружину атамана *Чики*, четырехъ убилъ и смертельно раненый передъ кончиною постригся въ иноки. Слуга монастырскій *Меркурій Айгустовъ* первый достигъ непріятельскихъ бойницъ. Иноки, изъ которыхъ нѣкоторые раньше были ратными людьми, вездѣ держались впереди. О побѣдѣ извѣстили въ Москву.

И послѣ 11 Ноября не проходило дня, чтобы не было вылазокъ, а иногда и по двѣ на день. Сапѣга, потерпѣвъ неудачу въ открытыхъ дѣйствіяхъ, прибѣгаетъ къ хитростямъ: такъ, онъ устроилъ засаду конницы, которая, впрочемъ, была вовремя открыта. Осажденные сдѣлали попытку *отогнать непріятеля* отъ ближайшихъ укрѣпленій, причемъ проявили новые подвиги: „Св. Сергій охрабрилъ и невѣждъ!“ Такъ, даточный крестьянинъ с. Молокова, *Суета*, ростомъ великанъ, силою и душою богатырь, рѣшивъ „либо умереть, либо славу получить ото всѣхъ“, одинъ бросился впередъ по трупамъ. Монастырскій слуга *Пимень Тенемевъ* пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскому и свалилъ его съ коня. Ратный *Павловъ* убилъ знатнаго Поляка, князя Юрія Горскаго. Бились въ рукопашъ, рѣзались ножами. Сапѣга принужденъ былъ отступить, и лавра торжествовала *вторую знаменитую побѣду*.

Съ наступленіемъ зимы бѣдствія осажденныхъ увеличились. По совѣту перебѣжчиковъ, двухъ Переяславскихъ „дѣтей боярскихъ“, Сапѣга задумалъ спустить главный вѣшній прудъ и лишить осажденныхъ воды, въ предупрежденіе чего пришлось наполнить водою внутренніе пруды. Увеличилась трудность доставки *дровъ* для топлива: „на одну пядь не даютъ воры нашимъ выѣхать“, говоритъ современникъ. Въ то время какъ число защитниковъ уменьшалось, въ лаврѣ оставалось большое число „ѣдоковъ“, женщинъ и дѣтей. Отъ страшной

тѣсноты, холода и голода появилась цынга и другія болѣзни, которыя уносили въ могилу по 20—50 человекъ ежедневно. Въ довершеніе физическихъ бѣдствій появилось зло нравственное, взаимное недовѣріе, подозрѣнія, вражда, злоба на все окружающее. Начались настоящіе ужасы осады: „шатость и измѣна, моровое повѣтріе, съ часу на часъ ожиданіе смерти, всё обезножили“, по свидѣтельству инокини Ольги (въ міру Ксеніи Годуновой). Пошли ссоры ратныхъ людей съ монахами изъ-за продовольствія: „ратныхъ людей часто утѣшали сладкіе меды, и оттого породились у нихъ блудныя бѣды“, говоритъ „сказаніе“; завелись „жонки“. „Въ старцахъ большая ссора“, писалъ князь Долгорукій. Большая ссора была и между двумя воеводами. Появились жалобы: дьяконъ и головщикъ *Гурій Шишкинъ* доносилъ о сношеніяхъ монастырскаго казначея, старца *Іосифа Дьвочкина*, съ извѣстнымъ измѣнникомъ Оською Алевинымъ и съ Сапѣгою; *Михаилъ Павловъ* донесъ, что воевода Голохвастовъ былъ имъ „потаковникъ“ и за 4 дня до приступа рѣшилъ „промыслить“ надъ Долгорукимъ и отнять городскіе ключи. Несчастнѣйшій казначей былъ подвергнутъ „крѣпкой“ пыткѣ и, по свидѣтельству „сказанія“, „живой былъ изъѣденъ червями“... Самъ авторъ „Сказанія“ говоритъ о *треснутіи* думы Іудиной“, а затѣмъ и позднѣйшіе историки (Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ) единодушно выражаютъ сомнѣніе въ соотвѣствіи дѣйствительности этихъ жалобъ, которыя находятъ для себя достаточное психологическое объясненіе въ томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находились осажденные. Лучшимъ опроверженіемъ этихъ жалобъ служить дальнѣйшее продолженіе обороны, тотъ духъ, который господствовалъ среди Троицкихъ Защитниковъ до конца.

Въ такихъ обстоятельствахъ архимандритъ Іоасафъ обратился за помощью въ Москву; но, не смотря на ходатайства Троицкаго Келаря Авраамія Палицына и поддержку патріарха Гермогена („если будетъ взята обитель преп. Сергія, то погибнетъ весь предѣлъ Россійскій до Окіана-моря, и царствующему граду настанетъ конечная тѣснота“), 15 Февраля 1609 г. изъ Москвы, стѣсненной Тушинцами, могли прислать только 80 казаковъ и „Троицкихъ людей“ (монастырскихъ слугъ) подъ начальствомъ атамана *Сухого-Остаикова* (впослѣдствіи умеръ отъ цыги), да нѣсколько снарядовъ. Лисовскій велѣлъ казнить подъ стѣнами монастыря захваченныхъ въ плѣнъ 4 казаковъ изъ этого отряда; въ отмщеніе осажденные вывели 42 плѣнныхъ и тоже казнили ихъ. Говорятъ, что Поляки хотѣли убить Лисовскаго, по справедливости считая его виновникомъ происшедшихъ жестокостей.

Открылось новое коварство враговъ: Литовскій перебѣжчикъ *Нѣмко* (глухой и нѣмой) съ ужасомъ увидѣлъ въ лаврѣ лазутчика Сапѣги, пана *Мартіаса*, который до того вкрался въ довѣріе князя Долгорукаго, что даже жилъ съ нимъ въ одной горницѣ. Борьба продолжалась съ прежнимъ упорствомъ. На смѣну павшихъ защитниковъ Троицы появлялись новые, какъ напр. *Ананія Селевинъ*, заслужившій прозваніе „Сергіева витязя“, стрѣлецъ *Нехорошеевъ*, *Никифоръ Шиловъ* и другіе. Изъ Москвы приходили *утѣшительныя грамоты*: „будьте непоколебимы до конца“, писалъ Авраамій Палицынъ. Въ обители разсказывали о явленіяхъ св. Сергія и Никона, о ночномъ пѣніи невидимыхъ ангельскихъ ликовъ въ затворенныхъ церквахъ. 9 Мая въ монастырѣ пѣли благодарственный молебенъ о *прекращеніи болъзни*, за 5—6 мѣсяцевъ унесшей въ могилу около 3 тыс. человекъ.

Въ ночь на 28 Мая Сапѣга произвелъ *третій общій приступъ*, въ отраженіи котораго участвовали и женщины. Съ Красной горы грянулъ громъ непріятельскихъ пушекъ. „Готовые къ смерти Защитники лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣльцы кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ (кипятокъ), ослѣпляли глаза („скверныя очеса“) известью, отбивали щиты, тарасы и лѣстницы“. Приступы продолжались до утра, которое освѣтило спасеніе лавры. Въ свою очередь осажденные произвели *вылазку*, во время которой, кромѣ орудій, захватили въ плѣнъ 30 пановъ, которыхъ заставили молоть муку: „поиграйте въ жернова!“

28 Іюня Сапѣжинцы напали на острожокъ, охранявшій колодець у *Шивного двора* (съ западн. стороны), но тоже отбиты, а во время послѣдовавшей вылазки много непріятели было побито и взято въ плѣнъ.

Приступы Сапѣги не прекращались, а осажденные и не помышляли о сдачѣ. По свидѣтельству современника, „кто заговорить о сдачѣ, того убьютъ“. Одинъ монахъ сдѣлалъ попытку *зажечь лагерь* Лисовскаго, за что поплатился жизнью. Въ это время въ станъ Сапѣги прибылъ панъ *Зборовскій*. Незнакомый съ упорствомъ осажденных, онъ съ насмѣшкою говорилъ: „что это вы стоите безъ дѣла подъ лукошкомъ? Чего стоитъ его взять и воронъ передавить“. 31 Іюля панъ *Зборовскій* сдѣлалъ ночной приступъ и тоже былъ отбитъ. „Что взялъ лукошко?!“ говорили ему товарищи.

Въ это время тревожное вниманіе Сапѣги было обращено на сѣверь, откуда на выручку Москвы уже двигался молодой князь *Мих. Ив. Скопинь-Шуйскій*. Съ цѣлью остановить это движеніе, Сапѣга дважды оставлялъ Троицу. Первую радостную вѣсть о пораженіи Сапѣги 18 Августа подь *Калязинымъ монастыремъ* („преподобный отче Макаріе, моли Бога о насъ!“ кличь Русскихъ) принесъ въ Троицу косой толмачъ *Янъ* раньше возвращенія Сапѣги. Сапѣжинцы еще разъ прибѣгли къ *хитрости* съ цѣлью выманить голодныхъ осажденныхъ: пригнали къ стѣнамъ нѣсколько головъ скота, которымъ осажденные благополучно и овладѣли. 28 Октября Сапѣга съ 4 тыс. войска имѣлъ жаркое дѣло съ отрядомъ кн. Михаила подлѣ Александровской слободы (с. Коринское), послѣ чего снова возвратился къ Троицѣ. Въ Ноябрь по просьбѣ монаховъ, изъ отряда кн. Михаила незамѣтно вступилъ въ лавру голова *Жеребцовъ* съ 900 воиновъ, а шурина князя *Сем. Головина* находился уже въ 7 верстахъ отъ Троицы, съ помощію „Засѣкъ“ подвигаясь шагъ за шагомъ впередъ. Между прочимъ, Жеребцовъ, запретивъ осажденнымъ дѣлать вылазки, сопровождавшіяся потерями, самъ сдѣлалъ неудачную вылазку, по поводу которой Троицкіе *сидпльцы* говорили: „вотъ тебѣ и ратные; а мы простаки, да насъ св. Сергій милуетъ!“

4 Января 1610 года ночью въ лавру вступилъ *Гр. Валувъ* съ 500 ратныхъ людей и, соединившись съ дружиною Жеребцова, напалъ на Сапѣжинцевъ: произошелъ *последній бой* на Клементьевскомъ полѣ, возлѣ Келарева пруда (на Западѣ), и на горѣ Волкушѣ (на Югѣ).

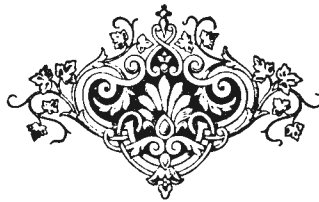
12 Января Сапѣга съ 6 тыс. изнуренныхъ сподвижниковъ снялъ свой *таборъ* подь Троицей и ушелъ къ Дмитрову, оставивъ богатый станъ. Осажденные думали, что Сапѣга еще возвратится и только черезъ 8 дней послали инока Макаріа со святою водою въ Москву объявить царю, что лавра спасена Богомъ и княземъ Михаиломъ.

„Уже сія не только святостію, но и славою рѣдкою, *любовію къ отечеству* и *вѣрью преодолѣвъ искусство и число непріятели*, *нужду и язву*, обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной, лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ *благостояніемъ*“ (Карамзинъ), выдавъ Шведамъ изъ монастырской казны нѣсколько тысячъ рублей. Князь *Ив. Куракинъ* съ Русскими и Шведскими войсками *на лыжахъ* выступилъ изъ лавры къ Дмитрову, гдѣ князь Михаилъ наголову разбилъ Сапѣгу и гналъ его къ Клину по Волоколамской дорогѣ. Сапѣга день и ночь шелъ

къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, присоединиться или къ королю или къ Тушинскому Вору*).

Выдающуюся по своей тяжести и продолжительности осаду (465 дней) Троице-Сергіевская лавра вынесла благодаря господствовавшему въ ней благочестію. „Здѣсь дѣло шло не о томъ, передаться-ли царю Тушинскому отъ царя Московскаго, но о томъ, передать-ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе враговъ православной вѣры. Троицкіе *сидѣльцы* защищали не престолъ Шуйскаго только, но гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрность“ (С. М. Соловьевъ). Защищая оцлотъ православія, Троицкіе *сидѣльцы* защищали главнѣйшую основу Русской государственности, которой Троице-Сергіевская лавра оказала столько важныхъ услугъ.

А. П. К.

*) Могилы защитниковъ лавры, въ числѣ которыхъ упоминаются также *Аванасій Ошеринъ*, *Паисій Литвинъ*, находились близъ Успенскаго собора. Архим. *Иоасафъ*, убитый въ 1610 г., похороненъ въ Боровскомъ Пафнутьевскомъ монастырѣ, *Авраамій Памцынъ* въ Соловецкомъ мон. а *Скопинъ-Шуйскій* въ Архангельскомъ соборѣ у южной стѣны.